

*Д.Е. Фурман,
доктор исторических наук,
Институт Европы РАН*

Политическая система современной России

В посткоммунистической России сложилась политическая система, принципиально отличная от систем других посткоммунистических европейских стран. Россия — единственная европейская страна, в которой ни разу не происходила ротация власти, где возможность такой ротации не увеличивается, а уменьшается.

Чтобы понять, как сложилась эта система, мы должны рассмотреть ситуацию ее возникновения, "зародыш", из которого она развилась и в котором уже были заложены ее основные черты.

Наше демократическое движение, победившее в 1991 г., было одним из множества похожих движений, которые в этот период пришли к власти в странах, входивших в Варшавский пакт и СССР. Однако оно обладало отдельными особенностями, которые в тот момент не бросались в глаза, но при его победе привели к возникновению системы, отличной от систем других посткоммунистических стран.

Демократические идеологии в других странах могли изображать (несколько "приукрашивая" историческую реальность) коммунистическую систему как привнесенную русским завоеванием, а демократию и рынок как возвращение к национальной "норме". Векторы национализма и антикоммунизма везде, кроме России, более или менее совпадали, борьба с коммунизмом была борьбой за независимость. У нас такая идеологическая конструкция была невозможна. Россия — страна, в которой коммунистическая система была "эндогенной" и не связанной с подчинением инациональному центру. Напротив, именно при этой системе Россия становится ядром величайшей империи. В нашей истории нет ясной национальной либерально-демократической традиции, к которой могли бы апеллировать демократы. История России — история самодержавной, а затем коммунистической империй, а единственный период демократии (с февраля по октябрь 1917 г.) — период хаоса и упадка. Векторы национализма и демократии у нас расходятся. Совпадение векторов национализма и демократического антикоммунизма создает основу для общенационального консенсуса. В России такого консенсуса быть не могло.

Российское демократическое движение было движением меньшинства. Его массовую базу составляла "низовая" интеллигенция,

сосредоточенная в "стратегически важных" центрах, Москве и Ленинграде. Это активное меньшинство могло опираться на идеологически неоформленное недовольство народных масс, настроения которых, однако, были далеки от западничества и культа рынка, свойственного демократам. Оно могло получать поддержку у части номенклатурной элиты, которая утратила веру в коммунистическую идеологию, стремилась избавиться от партийной дисциплины, завидовала западной элите и "дала" демократическому движению его лидера Б.Ельцина. Оно имело сильнейших союзников вне России. Это было сильное меньшинство, которому противостояли разрозненные и деморализованные силы. Тем не менее это было меньшинство, которое, "по определению", не могло прийти к власти демократическим путем.

Ситуацией, приближающейся к ситуации прихода демократической оппозиции к власти путем выборов, было избрание в 1991 г. Б.Ельцина президентом России. Однако не говоря уже о том, что голосовавшие за Б.Ельцина в большинстве своем совершенно не представляли его программу (внятной программы у него и не было, он использовал все популярные лозунги одновременно, не очень заботясь о придании им логической непротиворечивости), голосование за него не было голосованием за реальную верховную власть, принадлежавшую тогда М.Горбачеву. Практически никому из голосовавших не могло прийти в голову, что уже в течение 1991 г. СССР распадется, и Б.Ельцин станет "настоящим" президентом.

Приход демократов к власти стал возможен в результате ослабления союзного руководства после "путча" ГКЧП, провал которого дал "зеленый свет" сепаратизму союзных республик, захвату российским руководством "явочным порядком" все новых функций, "ползучему" перевороту. Этот процесс завершился Беловежскими соглашениями, на которые российское общество не только не дало "мандата", но к которым оно совершенно не было подготовлено. Несмотря на деморализованность общества и неоднократно продемонстрированную затем готовность россиян голосовать так, как указывает власть, Б.Ельцин даже постфактум не решился легитимизировать эти соглашения каким-либо референдумом.

Особенность нашей революции 1991 г. заключалась в том, что движение, субъективно являвшееся более или менее демократическим, пришло к власти не демократическим правовым путем, закрытым для него как для движения меньшинства. Эта своеобразная ситуация и является "зародышем", из которого возникает наша постсоветская политическая система.

2

Меньшинство, пришедшее к власти неправым путем, оказывается в положении, когда оно закрывает для себя путь "назад". То, что демократы были меньшинством, исключало возможность их

демократического прихода к власти, но способ их **прихода к власти**, в свою очередь, исключал возможность их демократического ухода. Лозунгами оппозиции отныне становятся обвинения власти не просто в неверной политике, а в разрушении государства, мандата на которое у правящей группы не было. Допустить к власти оппозицию уже после Беловежских соглашений для Б.Ельцина и его соратников несомненно означало пойти под суд и в тюрьму. Перед ними был только один путь — закрепления своих властных позиций, превращения своей власти в "безальтернативную". Но закрепление меньшинства у власти столь же неизбежно совершается неправовым, или квазиправовым путем. Одновременно оно делает неизбежным (тем более в условиях рыночных реформ) разгул коррупции, т.е. совершение не только государственных, но и множества уголовных преступлений. Таким образом, каждый шаг на пути закрепления правящей группы у власти и каждый день ее пребывания у власти делают для нее уход из власти еще более чреватым гибелью, еще менее возможным. Если теоретически можно представить себе Б.Ельцина, ушедшего от власти сразу после Беловежских соглашений и не попавшего в тюрьму, то после приватизации и расстрела парламента это уже просто не представимо.

Таким образом, особенности нашего демократического движения и его прихода к власти определяли то, что "безальтернативность" становится сутью возникающей системы, в которой право и выборы играют роль "камуфлирования" и инструментов обеспечения этой безальтернативности.

Превращение власти победителей в "безальтернативную" не могло быть достигнуто путем открытой диктатуры. Не говоря об ограничениях, которые накладывали на Б.Ельцина и его соратников демократические лозунги, с которыми они пришли к власти (преувеличивать их значения не стоит, планы перехода к открытой диктатуре обсуждались неоднократно), для диктатуры не было достаточных ресурсов. Военная диктатура была исключена, поскольку Б.Ельцин не был военным, но исключалась и партийная диктатура по типу советской. Демократическое движение было слишком аморфным, чтобы из него могла быть создана дисциплинированная партия. Правящий слой, только еще освободившийся от коммунистической дисциплины, не хотел снова надевать на себя партийное ярмо. Да и сам Б.Ельцин не мог желать ограничения своей власти правящей партией. Диктатура же, не опирающаяся ни на армию, ни на дисциплинированную партию, была бы неэффективной и слабой. Кроме того, российская власть зависела от Запада, который не дал бы "полную" санкцию на открытую диктатуру.

Это накладывало ограничения на методы "закрепления у власти". "Безальтернативность" должна была быть достигнута при сохранении демократической формы. В российских условиях этот путь был значительно более прост, чем путь открытой диктатуры.

Прежде всего, Б.Ельцину и его соратникам удалось быстро привлечь на свою сторону и консолидировать номенклатурную элиту, ранее расколотую на сторонников союзной власти, демократов и "гекачепистов". Средством к этому стала приватизация. Проводимая властью, находящейся вне общественного контроля, она не могла не превратиться в "растаскивание" государственной собственности, что породило общий интерес элиты в сохранении строя, ибо приход к власти оппозиции должен был вести к пересмотру ее результатов ("кошмар, преследующий в ночи" сформировавшийся класс крупной буржуазии). В ходе приватизации внутриэлитарная борьба превратилась в борьбу за милость президента, близость к главному источнику богатства.

Но в условиях всеобщего избирательного права консолидации элиты недостаточно для обеспечения безальтернативности власти. Правящая верхушка должна была обеспечить себе поддержку большинства населения, которое в результате ее политики во всех отношениях проиграло.

По всем посткоммунистическим странам в 1993-1994 гг. прокатилась волна "реакций", положившая конец правлению радикальных национал-демократов, стоявших во главе революций рубежа 1980-х и 1990-х годов, и приведшая к власти представителей перестроившегося старого истеблишмента. Такая реакция — явление нормальное, поскольку революция всегда связана с завышенными ожиданиями и поэтому неизбежно влечет за собой разочарование (полное или частичное). В большинстве случаев это событие, происходившее в конституционных рамках, положило начало ротациям власти, окончательно превратило власть победивших демократов во власть демократии.

В России оснований для реакции было больше, чем в других странах. Если в последних победа демократов означала приобретение самостоятельности, сопровождалась национальным подъемом, то в России она нанесла удар по национальной гордости, превратив страну в относительно небольшую и слабую. К этому надо прибавить, что психологическая готовность русских к рынку была ниже, а обнищание населения и разрыв между богатыми и бедными в процессе приватизации стали значительно большими, чем в европейских посткоммунистических странах. Но именно в России смены власти не происходит, а реакция оказывается направленной скорее против демократических идеологии и институтов, чем против действующей власти. Весной 1993 г., в момент самого острого экономического кризиса, большинство на референдуме выражает не только доверие президенту, но отдельно и одобрение его экономической политике. При этом если результаты референдума по Конституции РФ в декабре 1993 г. могут "вызывать сомнения", то весенний 1993 г. референдум был несомненно "честным". Его результаты продемонстрировали своеобразие российского массового сознания, со-

здававшее для власти возможность достигнуть "безальтернативности" при сохранении квазидемократических процедур.

Россия не сменяла власть демократическим путем не только за постсоветский период. Только два раза в своей истории — с концом династии Рюриковичей и в 1917 г. — она оказывалась без стабильной авторитарной власти. И это — страшные периоды анархии и гражданской войны. Такая история порождает глубокие невротические страхи. Ситуация отсутствия жесткой власти, в которой Россия в 1991 г. оказывается в третий раз в своей истории, ощущалась народом как грозящая кровавым хаосом, выходом наружу таящегося в нем и страшного для него самого разрушительного потенциала. И поскольку переход власти к оппозиции воспринимается как чреватый гражданской войной, сама власть, к каким бы лишениям ее политика ни вела, воспринимается как меньшее зло.

Закономерностью политической жизни ельцинской эпохи было различие результатов дихотомических и недихотомических голосований (выборов в Государственную Думу). На этих выборах партии, поддерживавшие Б.Ельцина и его политику, никогда не могли получить большинства. Но значение выборов в Государственную Думу в нашей политической системе невелико. И избиратели несомненно понимали это. Между тем все действительно значимые дихотомические голосования (референдумы апреля и декабря 1993 г. и второй тур президентских выборов 1996 г.) Б.Ельцин выигрывал. Избиратели, отвергая политику власти, в критических ситуациях предпочитают ее сохранение как меньшее из зол.

Альтернатива, которая вставала перед избирателями, была альтернативой не президента или оппозиции, а власти или хаоса. Страх, заставлявший голосовать за власть, был не страхом перед оппозицией, а страхом самой ситуации перехода власти, чреватой гражданской войной, призрак которой преследовал российское общество в течение 1990-х годов и активно использовался правящей верхушкой. Тем не менее в этой ситуации оппозиция приобретала своеобразные черты, объективно работающие на складывающуюся систему.

Когда у власти оказывается меньшинство, пришедшее к ней неправым путем и таким же путем закрепляющее свою власть, оппозиция, естественно, становится "революционной" (или "контрреволюционной").

И именно этой "революционностью" оппозиция объективно работала на власть. Избиратели понимали, что оппозицию, идущую на выборы под лозунгом; "Банду Ельцина — под суд!", к власти никогда не допустят (об этом открыто говорилось и самими представителями власти), что в случае победы на выборах власть ей все равно придется брать силой, что победа оппозиции означает гражданскую войну.

Но в идеологии и политике оппозиции своеобразно отражаются не только протест народных масс, который не может принять "нор-

мальную" демократическую форму и принимает форму "экстремистскую", но и ее собственная боязнь перемены власти. Внешний радикализм сочетается с готовностью оппозиции к компромиссам, с голосованием за бюджет и с избирательными кампаниями, которые проводятся при явном понимании оппозиционными лидерами, что к власти они не придут. Именно такая оппозиция — внешне достаточно радикальная, чтобы пугать избирателей, и достаточно компромиссная и вялая на деле — и нужна для сохранения "безальтернативной" власти.

При таком сознании народа и такой оппозиции правящая группа могла прибегать к террору лишь в редких случаях. Даже выборы могли быть "относительно честными" — к подтасовке результатов голосования власть прибегала лишь в ограниченных масштабах и больше "из перестраховки".

3

Общее направление развития нашей системы было задано особенностями российского общества и ситуацией прихода правящей группы к власти. Но это не означало полной предопределенности развития.

Развитие системы можно сравнить с развитием любого живого организма. Вначале она слаба. Какие-то "внесистемные воздействия" могут относительно легко уничтожить не окрепший организм. Но, если она благополучно проходит через кризисы "детства и отрочества", то крепнет, делается устойчивой.

При этом она становится и менее "гибкой". Каждая форма разрешения кризиса институционально закрепляется, придает системе большую определенность. Аморфность сменяется жесткостью, а жесткость постепенно переходит в склеротическую ригидность. В конечном счете наступает старость системы, когда она снова, но иначе, чем на начальной стадии развития, становится слабой и неустойчивой.

Наша система прошла через два острых кризиса, в каждом из них была возможность как ее гибели, так и разных форм разрешения кризисов и, соответственно, ее послекризисного существования и развития.

Кризис 1993 г. — прежде всего кризис "институционализации" системы. Возникновение его было, очевидно, неизбежно. Власть президента не имела адекватного институционального оформления. Основной закон, в рамках которого осуществлялась эта власть, — не приспособленная для этой роли советская конституция, в которую были внесены разнообразные поправки, в результате чего она приобрела крайне противоречивый вид. Принятие новой конституции было необходимым, что создавало ситуацию, альтернативную и чреватую конфликтами, поскольку разные ветви власти, естественно, стремились закрепить в ней как можно больше прав для себя.

На конфликт ветвей власти, президента и парламента накладывался конфликт центра и периферии. В условиях, когда в обществе нет единой партийной системы и вообще развитой системы горизонтальных связей между регионами, ослабление бюрократических связей ведет к усилению центробежных тенденций (естественно, особенно в нерусских регионах).

С этими институциональными конфликтами взаимодействовали и другие. В условиях обнищания населения и быстрого обогащения правящей верхушки депутаты, связанные с народными массами, "аккумулировали" социальный протест и апеллировали к нему. Конфликт ветвей власти приобрел аспект социального.

Был и еще один аспект конфликта 1993 г. В ходе борьбы за власть Б.Ельцин — лидер демократов, но лишь "первый среди равных". Став президентом, он превращается в "хозяина", а его "товарищи по борьбе" — в подчиненных. Это — всегда болезненная ситуация, чреватая конфликтами.

Все эти аспекты кризиса 1993 г, были закономерны, но их сочетание, формы, которые принял кризис, и способ его решения зависели от множества субъективных факторов. Складывалась ситуация определенного веера возможных альтернатив. Реализовалась одна из них — насильственный разгон парламента и принятие конституции, закрепляющей "царские" полномочия президента, делающей парламент бессильным (и наличие в нем оппозиционного большинства неопасным) и перераспределяющей власть от регионов к центру. Таким образом, система безальтернативного президентства получила адекватное институциональное и квазиправовое оформление

Выборы 1996 г. не были реальным кризисом. Власть нервничала и готовила "запасные варианты" перехода к открытой диктатуре, но фактически победа Б.Ельцина была предрешена, и атмосфера кризиса в значительной мере создавалась для нагнетания страхов. Новый острый кризис, преемственности власти, наступил в 1999 г.

Как во всех кризисах, в *кризисе 1999* г. присутствовали и закономерные, "системные", и случайные элементы.

Какой-то кризис, связанный с передачей власти, должен был рано или поздно разразиться. В любой системе, где нет четкого механизма передачи власти, как в монархиях с определенным порядком престолонаследия, или в демократиях, где власть определяют выборы, она всегда сопровождается кризисом. В советской системе механизм передачи власти был значительно определеннее, чем в постсоветской (избрание правителя на заседании Политбюро, затем его ритуальное утверждение ЦК и съездом партии). Тем не менее каждый раз эта передача сопровождалась борьбой и расколами в правящей верхушке. В постсоветской же системе вообще отсутствовал орган, определяющий преемника президента. В новой Конституции РФ Б.Ельцин, стремящийся к полному единовластию, ликвидировал даже пост вице-президента. Вторым лицом государ-

ства, к которому должна временно перейти власть в случае отставки или смерти президента, стал назначаемый им премьер.

С 1996 г., когда начался второй срок президентства Б.Ельцина, его здоровье не позволяло ему думать об изменении конституции и третьем сроке. Начались поиски преемника, что не могло не обострить борьбу "придворных" группировок.

Ситуацию осложняло то, что Б.Ельцин долго не мог найти человека, относительно которого он был бы твердо уверен, что тот обеспечит ему и его близким гарантии от судебных преследований или внесудебной расправы. Проявлением этих метаний была чехарда с чередой премьеров после отставки В.Черномырдина,

В этой ситуации правящий слой попытался "самоорганизоваться", определить преемника президенту независимо от его воли. Замаячила перспектива передачи власти не прямому наследнику и даже — реально альтернативных выборов. Объективно это могло бы означать переход к иной системе отношений власти и общества, более близкой к правовым демократическим формам.

Однако наша система благополучно миновала этот кризис. Хотя и с запозданием, Б.Ельцин определил преемника, назначил его премьером и подал в отставку, сделав его исполняющим обязанности президента. К выборам В.Путин приходит уже как лицо, обладающее всей полнотой власти, и побеждает в первом туре.

Если кризис 1993 г. привел к институциональному закреплению и оформлению системы, то 1999-2000 гг. — к появлению и "апробации" механизма передачи власти, который, очевидно, будет использоваться в дальнейшем. Одновременно, его разрешение освободило систему от чрезмерной связи с личностью ее создателя и тем самым усилило сознание ее прочности.

Триумфальное избрание В.Путина и его устойчивая популярность свидетельствуют о том, что система безальтернативной и передаваемой по наследству власти стала восприниматься как "нормальная". Голосование за В.Путина было уже не голосованием *против* неприемлемой альтернативы, но голосованием "за" — не столько за данного человека, сколько за саму систему, своеобразным ритуалом присяги власти.

При выборе В.Путина Б.Ельцин исходил не только из гарантий личной безопасности, обеспечиваемую В.Путиным, но и из того, что преемник должен быть способен выполнить задачи, отличные от задач первого президента. Очевидный контраст между самодуром-"харизматиком" Ельциным и упорядоченным, неэмоциональным Путиным — это контраст разных стадий эволюции системы.

Б.Ельцин — революционный вождь. В его задачи входило разрушение старой системы и закладывание основ новой в борьбе с многочисленными врагами.

В.Путин встает во главе системы, уже доказавшей жизнеспособность. Перед ним стоят задачи достройки, упорядочивания сис-

темы по уже обозначенному плану — расширение сферы безальтернативности и ликвидация независимых от власти "центров силы" и остатков революционного хаоса.

Способные противодействовать центральной власти и влиять на нее силы — это, во-первых, "олигархи", сколотившие в период приватизации колоссальные состояния и, во-вторых, региональные власти.

Состояния "олигархов" возникали при содействии президентской власти в обмен на различные оказанные ей услуги, но приобретая их, олигархи стали относительно независимыми и захотели влиять на политический процесс, в том числе через подконтрольные им СМИ. В.Путину удалось, используя "квазиправовые" методы, избавиться от двух наиболее амбициозных и одиозных олигархов и поумерить пыл остальных, а СМИ сделать более управляемыми.

Хотя в 1993 г. Б.Ельцину удалось пресечь федералистски-сепаратистские поползновения региональных элит, в дальнейшем их позиции даже укрепились, ибо в большинстве регионов возникли устойчивые "партии власти". Более того, региональные власти получили корпоративный орган — Совет Федерации, членство в котором губернаторов и глав законодательных собраний предоставляло им депутатскую неприкосновенность. "Сенат", состоящий из людей, обладающих реальной властью, мог стать угрозой всевластию президента. В.Путин ввел новый порядок формирования "Сената", в котором теперь заседают "представители" губернаторов и законодательных собраний (в основном случайные лица, назначенные потому, что обладают связями в центре и могут выполнять лоббистские поручения или даже просто купившие свои кресла). В результате и "Сенат", и лишившиеся неприкосновенности губернаторы становятся лояльными президенту. Для контроля за местными властями создается система административных округов во главе с назначенными В.Путиным "наместниками".

Важной, но еще не завершенной мерой является создание президентской партии. Б.Ельцин пришел к власти как лидер существовавшего независимо от него движения, которое теоретически могло оформиться в правящую партию. Но он понимает, что это ограничило бы его власть и принимает роль "президента всех россиян". Теперь, на новом витке спирали, власть снова стремится к созданию партии. Но если в начале нашей эволюции — движение, которое выдвигает своего лидера в президенты и приводит его к власти, то теперь ситуация становится "зеркальной" — президент, пришедший к власти совершенно независимо от какой-либо партии, создает партию как инструмент подбора кадров и контроля за ними. Естественно, это должна быть партия, единственный идеологический принцип которой — поддержка президента, и ее большинство в парламенте должно быть таким же "безальтернативным", как и сам президент.

Вполне вероятно, что будет осуществлено и продление срока президентства.

Политическая культура страны обладает большой устойчивостью, проявляясь в "рисунке" смены политических систем и в чертах сходства между ними. На протяжении XX в, Россия прошла через два идеологических, политических и социальных переворота. Но каждый раз в новых формах возрождались безальтернативность власти и ее фактическая независимость от общества. Естественно, это не означает, что выйти за пределы такого рода систем Россия не может, но ясно, что это для нее крайне трудно. В XX в. она совершить такой переход не смогла. Это задача, которую российский XX век оставил XXI-му.

4

В настоящее время наша система приобрела законченность и стабильность. В обществе не только нет политических сил, которые могли бы сейчас или в ближайшее время ее сломать, но не видно даже, откуда такие силы могли бы явиться. Однако со временем в ней начнут проявляться элементы глубокого кризиса, сейчас присутствующие лишь в зародыше.

Направление развития нашей политической системы противоречит не только направлению общемирового развития, ведущего к укреплению и расширению демократий, охватывающих все больше государств, и к становлению всемирных правовых структур, воздействующих на внутреннее развитие всех стран. Оно противоречит и направлению глубинных процессов, идущих в самом российском обществе.

Социальная структура общества меняется. Исчезает традиционное крестьянство, психология которого, сформированная общиной, крепостничеством и колхозами, является важнейшим фактором, определившим нашу политическую культуру. Одновременно расширяются новые слои, условия жизни которых предполагают большую самостоятельность, свободу выбора.

Поколение, воспитанное при советской власти, которому присущи страхи и перед властью, и перед свободным выбором, уходит. Для подрастающего поколения частная собственность, свобода информации, жизнь без тоталитарной идеологии привычны с детства и воспринимаются как норма. Поэтому для него естественно стремление к большему — к действительной демократии, основанной на реально альтернативных выборах власти.

Общество становится более "раскрепощенным", "открытым", более способным осознать противоречие между провозглашенными и в значительной мере даже усвоенными демократическими принципами и фактической независимостью от него власти, имитационного характера выборов. Возрастает его готовность перейти к системе ротации власти.

Но к кризису ведет развитие не только общества, но и самой системы. Развивающееся общество будет все более "давить" на

политическую "оболочку". Но и эта "оболочка" будет "сжиматься" и все больше "давить" на общество. Естественное стремление российской власти — достижение все большей безальтернативности. Но при этом иллюзорный характер выборов становится все более очевидным, с течением времени они все более будут напоминать советские, превращаться в скучный ритуал. И это относится не только к выборам президента. Сфера безальтернативности расширяется. Как известно, вопрос о преемнике Б.Ельцина решался им в узком кругу близких, и это решение лишь потом было "освящено" народным избранием. Теперь же этот механизм чем дальше, тем больше распространяется на выборы губернаторов, депутатов, мэров, что постепенно не может не осознаваться избирателями. И именно здесь таится опасность для системы.

Ведь легитимность власти основывается все же на выборах, которые осознаются избирателями как свободные. И уничтожение иллюзии выборов не может не вести к их делегитимизации. Единственные средства борьбы с этим — создание искусственных "псевдокризисов", когда возникает иллюзия альтернативности и сознательного выбора власти как меньшего зла. (Так Б.Ельцин и В.Путин манипулировали чеченским кризисом.) Но, во-первых, создание таких кризисов — дело рискованное. Во-вторых, регулярность возникновения кризисов к выборам, роль власти в их появлении, в конце концов, тоже осознаются обществом, что может лишь ускорить делегитимизацию. Таким образом, система сама постепенно "обрубает" собственные корни.

Власти, утрачивающей легитимность, управлять обществом становится все сложнее. Но трудности управления будут нарастать и по другим причинам.

Распространение безальтернативности на все сферы управления означает ослабление "обратных связей". Добившаяся полного формального контроля за обществом власть утрачивает реальный контроль, ибо к ней перестают вовремя поступать сигналы тревоги. При утрате "обратных связей" кризис настигает систему неожиданно, когда пытаться справиться с ним уже поздно и, как показала гибель СССР, никакие действия силовых структур и спецслужб предотвратить его не могут.

Сейчас невозможно предугадать формы будущего кризиса. Но само его возникновение в течение жизни следующего поколения, на наш взгляд, неизбежно.

Вышесказанное не является "критикой" нашей постсоветской системы. Очевидно, что она занимает более "низкое" место в "эволюционном ряду", чем системы, основанные на борьбе за власть политических сил в рамках единых "правил игры" и ротации этих

сил у власти. Очевидно и то, что ее возможности развития и "срок жизни" ограничены. Но в начале 1990-х годов переход России к правовой системе, основанной на ротации, был практически невозможен. А из реальных альтернатив наша система — не лучшая, но и не худшая. Для России с ее культурой, со сформированной ее прошлым психологией народа — это "нормальный" исторический выбор. И в рамках, определяемых этим выбором, вполне возможно поступательное общественное развитие, которое в конечном счете приведет к новому кризису и появлению более совершенной системы.